

Епископ Иона

Пастырь и община. Сборник интервью

Аннотация

Епископ Иона (Черепанов) — епископ Обуховский, руководитель отдела работы с молодежью УПЦ, настоятель Свято-Ионинского монастыря в Киеве, главный редактор журнала «Отрок.ua». Ежедневно ему приходится отвечать на самые разнообразные вопросы прихожан, проводить пастырские беседы и давать разнообразные интервью средствам массовой информации. Весь этот многочисленный материал собран и систематизирован в книге «Пастырь и община».

Книга разделена на три части:

В первом разделе помещены интервью разных лет, где епископ Иона отвечает на самые распространенные вопросы о деятельности общины, монашеской жизни, издании православного журнала для молодежи «Отрок.ua» и т. д.

Второй раздел книги посвящен православным обрядам и обычаям. В нем изложены советы о том, как читать Евангелие, как выстаивать всенощные службы, как правильно поститься и отмечать православные праздники.

И третий раздел — это серия биографических интервью епископа Ионы, подробности его благочестивой жизни и деятельности на богослужебном поприще.

Ранее книга издавалась в бумажном виде и в данном издании приведена без сокращений. Популярность книги обусловлена как высоким пастырским авторитетом ее автора, так и широтой рассмотренных в ней вопросов и их актуальностью для молодых христиан 21 века.

Епископ Иона (Черепанов)

Пастырь и община. Сборник интервью

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА?

Каким должен быть православный приход? Какова роль священника в жизни общины и что должны делать прихожане?

Достаточно часто в интервью мне задают такие вопросы и расспрашивают на подобные темы. За последние несколько лет накопилось большое количество текстового материала — о молодёжной, волонтерской работе, о жизни монастыря и жизни прихода, о моём служении и пути к Богу. Возникла идея собрать все тексты в одно издание — так появилась эта книга.

Каким же должен быть православный приход? Тема важная, и говорить о ней стоит.

У одного из православных авторов по гомилетике я как-то прочёл, что слова «должны, должны» не стоит употреблять в проповеди. Потому что человек, кроме Бога, по большому счёту, никому ничего не должен.

Пастырь не может кому-либо навязывать свои мысли, свой образ мышления, разве только воодушевлять примерами, рассказами о христианских подвигах и поступках. Поэтому слово «должен» в отношении православного прихода — также не совсем уместно.

Но мы можем говорить о том, что в организации приходской жизни нужно стремиться к некоей семейности. Мы знаем подобные примеры — это жизнь первых апостольских общин, когда всё было общее, когда верующие жили в любви, исполняя слова Христа: «По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Многие авторы раннехристианского периода, как сочувствовавшие, так и не сочувствовавшие христианам, подчёркивали, что в общинах царилась любовь. Собственно, это идеал, к которому нужно стремиться.

Сложно советовать, как строить приход и с чего начинать. Я никогда не ставил перед собой задачу какой-то чёткой структурной организации. Не думал, что вот-де, есть прихожане, и из них нужно сформировать определённую общину с конкретными принципами и отношением друг к другу. Всё складывалось само собой. Может быть, потому, что у всех — и священников, и прихожан монастыря — было желание жить по-евангельски, стремиться, насколько это возможно, осуществить в своей жизни евангельские принципы.

И деятельность, которая ведётся при монастыре, специально не продумывалась. У нас нет и никогда не было планов или расчётов. Люди неравнодушные, которые не могли просто ходить на богослужения, но желали как-то участвовать и во внебогослужебной жизни, обращались к братии монастыря с инициативами тех или иных добрых дел. Причём инициатив было множество, и братия в меру сил всё старалась поддерживать.

Часто спрашивают: что людям нужно от священника и в чём задача настоятеля? Помню, лет десять назад велась целая полемика по поводу так называемого младостарчества: прихожане, архиереи и духовенство живо и активно обсуждали это явление. Но, на мой взгляд, основная беда современных пастырей не в младостарчестве, а в равнодушии. Чаше встречается не та ситуация, когда священник особо усерден и чересчур опекает пасомых, а наоборот — когда ему нет дела до своей паствы, он ограничивается только совершением богослужений и треб. Вот это, по-моему, более значительная проблема в жизни Церкви в наше время.

Человеку не так-то много и нужно. Он не требует, чтобы духовный отец был особо даровитым, сверхобразованным, голосистым. Ему важно, чтобы он в священнике мог хоть чуть-чуть видеть образ любящего Христа. Видеть ту любовь, благодаря которой христианство устояло среди всех гонений и притеснений на протяжении такой бурной многовековой истории.

Люди в храме ищут отеческого отношения. Если оно будет, то перекроет все недостатки личности священника. А когда пастырь будет иметь любовь к своим прихожанам, будет относиться к ним как к своим детям, то станет для них настоящим добрым пастырем — когда паства знает голос его и за ним идёт, причём не куда-либо, а ко Христу.

Об этом и многом другом и говорится в текстах, собранных в данном издании.

В разделе I «Опыт обустройства жизни на православном приходе» размещены интервью разных лет с рассказами о той или иной сфере деятельности нашей общины. Как организована и на каких принципах строится монашеская жизнь в обители; что является главным в издании православного журнала для молодёжи «Отрок.ua»; с чего началась и как «работает» ионинская «молодёжка»; как и почему зарождалась волонтерская деятельность — Всеукраинская организация «Молодость не равнодушна» и братство преподобного Ионы Киевского.

Неслучайно одним из первых в этом разделе помещён рассказ о том, как обретали мощи основателя Ионинского монастыря, потому что именно преподобный Иона собирает в обитель людей и сам незримо своими молитвами вразумляет и наставляет проходящих в наш храм.

В разделе II «Ответы на самые частые вопросы, задаваемые в сети» собраны интервью на темы, продиктованные запросами аудитории по более узкому кругу вопросов — о православных обрядах, обычаях, постах и праздниках. Собственно, это советы из пастырского опыта: как читать Евангелие; как выстаивать длинные ночные праздничные службы на Рождество и на Пасху; как готовиться к причастию и в соответствии с церковной традицией отмечать великие православные праздники — Рождество, Пасху, Троицу, Преображение, Успение; какие существуют церковные традиции поминания умерших и так далее.

Раздел III «О своём пути к Богу, к Церкви и в Церкви» содержит биографические интервью. Этот жанр особенно популярен среди читателей, и СМИ достаточно часто обращаются с предложением записать именно такого рода беседы. В частности, здесь среди

прочих размещён самый первый подобный рассказ.

Раздел I. ОПЫТ ОБУСТРОЙСТВА ЖИЗНИ НА ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ

Епископ Обуховский Иона: «Полюбить прихожан как своих детей» («Журнал Московской Патриархии», № 3, март 2013 года)

Церковная жизнь являет нам примеры дружных, крепких приходов. Викарий Киевской Митрополии епископ Обуховский Иона (Черепанов) уже более пятнадцати лет является наместником одного из самых известных в Киеве монастырей. Кроме всего прочего, славится Троицкая Ионинская обитель монолитной общиной, в которой выросло не одно поколение христиан.

«Всё в руках настоятеля, — уверен епископ Иона. — Надо захотеть стать настоящим отцом для своих прихожан и полюбить их как собственных детей». Для этого необходимы усилия и труд, ведь дети, как известно, бывают разные.

От чего зависит, будет ли приход дружным, и какая в этом роль настоятеля и прихожан — делится опытом епископ Иона.

Ваше Преосвященство, об Ионинском монастыре сами прихожане говорят, что здесь царит доброжелательная атмосфера, но вместе с тем — дисциплина и порядок. Как удаётся это совмещать?

— Приходят на ум слова профессора Преображенского, которыми он объяснял доктору Борменталю секрет своего успеха в общении с их подопечным. О том, что ласка — единственный способ, который возможен в обращении с живым существом...

А если серьёзно, то наш современник, знаменитый старец Иосиф Афонский в своих посланиях писал о том, что «так как человек создан разумным и кротким, то исправляется несравненно лучше любовью и кротким обращением, нежели гневом и грубостью».

На мой взгляд, порядок в храме может быть достигнут только тогда, когда пастырь будет воспринимать себя не как человека, осуществляющего высокую духовную миссию, а, в первую очередь, как отца семейства. Ведь всё-таки мы — единая семья во Христе, живём одними чаяниями — «жизни будущего века». И если есть стремление у священника быть отцом для своей паствы, то и к прихожанам он постарается относиться соответственно — как к своим детям.

А дети бывают самые разные. Есть послушные, покладистые, которым вообще не нужно ничего говорить, они поступают, вдохновляясь примером родителей. Есть такие, которые живут будто сами по себе, пытаются самовольничать — особенно это касается переходного возраста. Есть дети, укоренившиеся в каких-то пагубных привычках, например, если у родителей не было времени ими заниматься. Часто они достигают такой степени распущенности, что направить их в какие-то определённые рамки уже довольно сложно. Есть дети, которые ведут себя неправильно в силу того, что не знают, собственно, как нужно поступать. Когда они сталкиваются с какими-то непредвиденными ситуациями, то делают ошибки не злонамеренно, не из вредности, а просто по незнанию.

И мне кажется, каждому священнику было бы хорошо вести себя как в ситуации с этими детьми.

Если дети разумные, то им достаточно личного примера. Вообще очень важно, чтобы священнослужитель был примером для прихожан. Ведь Господь Иисус Христос сказал: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем» (Мф. 5, 19). То есть сначала нужно сотворить, а потом уже научить. Если нравоучения священника, его наставления не оторваны от реальной жизни, а подтверждаются его собственными поступками, тогда они будут действительны...

Если дети самовольничают, нужно понять, почему они это делают. Мы знаем, что в

советское время люди были как «овцы, не имеющие пастыря» (Мф. 9, 36). Действующих храмов, служащих священников было немного, и у священнослужителя физически не хватало времени, чтобы уделить его беседе с каждым прихожанином. Люди не могли получить ответы на свои вопросы, пообщаться с пастырем, да и литературы, которая помогала бы им двигаться по духовному пути в правильном русле, тоже не было.

Священнику нужно проявить очень много усердия, трудов, чтобы прихожан, которые привыкли жить по своей воле, приучить к дисциплине и послушанию. Чтобы авторитет духовного родителя для таких детей был непререкаемым и слушались бы они, в первую очередь, священника-отца, а не каких-нибудь «друзей с улицы».

Есть сложные случаи, когда дети укоренились в пагубных привычках. Люди, начинающие ходить в храм, часто жалуются на так называемых церковных ведьм, по меткому выражению отца Андрея Кураева. То есть на тех женщин, преимущественно пожилого возраста, которые с пылом, с жаром бросаются наставлять, поучать, одёргивать новоначальных. По моему мнению, поступают они так от крайней необразованности. Если человек живёт не слухами и сплетнями, услышанными от знакомых или псевдостранников, а читает святителей Феофана Затворника, Игнатия (Брянчанинова), преподобного Иоанна Лествичника и, конечно же, Евангелие, то он будет совсем иного духа.

Те же, кто любит делать замечания, — люди в основном невежественные и о православии имеющие весьма расплывчатое представление. И здесь пастырю нужно быть достаточно чутким и внимательным. Надо найти слова и донести мысль, что прихожанам не следует друг друга поучать. Есть прихожане, которые не знают этого. Они готовы воспринимать информацию, готовы впитывать её. С ними нужно работать — рассказывать, объяснять, подсказывать. И тогда будет результат.

Как выстраивать общение с теми, кто не хочет слушать? На что можно закрыть глаза, а с чем нужно бороться категорически?

— Мне кажется, закрывать глаза — это не совсем правильная формулировка. Можно проявить мягкость и любовь к кающемуся грешнику, когда человек видит свою ошибку и стремится её исправить, стать лучше. Может быть, сразу у него не получится, но если желание измениться присутствует, тогда какие-то вещи можно потерпеть.

Но бывает, что человек сознательно противопоставляет себя церковной традиции. Не той, которая сложилась на «советских» приходах — когда могут иметь место хамство, грубость и нетерпимость к окружающим, чувство некоего своего избранничества и особенности, — но традиции святоотеческой. В таких случаях нужно проявлять твёрдость, делать внушение. Сначала тихонечко и наедине. Но если это не даёт результата, то осаждают уже во всеуслышание. У нас бывали случаи, когда из-за неадекватного поведения приходилось даже силком выводить из храма. Но это, слава Богу, исключения.

Если человеку постоянно делают замечания, он видит, что на этом приходе ему, как говорится, «ловить нечего», здесь не дают проявиться его сверхталантам и сверхъестественным дарованиям. У него остаётся два выхода. Первый и по-христиански правильный — внять голосу пастыря и стать дисциплинированным, благоговейным, молитвенным православным христианином, приходящим в храм как в место славы Божьей, дом Божий, в котором он, естественно, чувствовать себя хозяином никак не может. Здесь он — один из чад Божиих, которые пришли к любящему их Отцу.

И второй вариант: уйти туда, где не будут мешать «развернуться». К сожалению, такие приходы продолжают существовать. В основном в тех храмах, где у священника нет времени или желания заботиться о духовном состоянии своих прихожан.

Владыка, Вы были в Ионинском монастыре с первых лет его возрождения в начале 1990-х. Вот уже почти пятнадцать лет, как Вы — наместник. Изначально было ли у Вас чёткое понимание, каким приход должен быть? Если нет, то на что Вы ориентировались в выстраивании отношений между братьями и внутри общины?

— Как я мог иметь какое-то понимание, если на то время был совершенно молодым человеком? Когда меня назначили наместником, мне было всего 27 лет...

Не было у меня ни опыта, ни какой-то чёткой картины дальнейших действий. Но всегда нужно стараться руководствоваться Евангелием, своей совестью, искать ответы в житиях святых, патериках.

В святоотеческих книгах мы видим огромное количество примеров того, как жить христианам. Я читал и видел, что христиане живут деликатно, мирно, имея мир у себя в душе и помогая сохранять его тем, кто рядом. Эти вещи впитывались сердцем. Они и служили негласной инструкцией.

Я видел, что какие-то действия неправильны, какие-то вещи явно мешают людям молиться в храме в полном сосредоточении, действительно предстоять Небесному Отцу, Творцу мира. Вся эта суэта, передвижения, разговоры, нравоучения, замечания друг другу больно ранили сердце. Хотелось, чтобы на приходе и в храме царило настроение Печерского патерика, житий святых, Евангелия, чтобы все ощущали благодать и молитвенность. Вот над этим и работали.

Приходя в храм, наверное, каждый человек рассчитывает на какое-то к себе отношение. Вы настраиваете братию, работников монастыря на то, как относиться к новоначальным? И как сами воспринимаете тех, кто только-только переступил порог храма?

— В данном случае я всегда вспоминаю себя, пришедшего в Церковь много лет назад. Я не знал, как повернуться, куда ступить. Поэтому и к молодёжи отношусь снисходительно, с любовью. Слава Богу, и вся наша братия так же относится — не раздражаясь и не делая замечаний, если человек, может быть, неправильно одет или ведёт себя из-за растерянности и волнения не совсем адекватно.

Другое дело, если мы сталкиваемся с вызовом, кощунством или цинизмом. Тогда очень жёстко пресекаются любые попытки нарушить порядок в храме.

Я и братия снисходительно относимся и к людям старшего возраста, которые в силу того, что у них уже не та яркость восприятия, или не та память, или не то воспитание, тоже чувствуют себя в храме растерянно. Бывает, приходят женщины в возрасте — с ярким макияжем, в какой-то броской одежде. Видно, что в церкви они чуть ли не первый раз. Но знают, что, идя в какое-либо присутственное место, нужно одеться определённым образом. Вот и в храм накрашились помадой, наложили тени... И очень трогательно видеть, как они растерянно, словно по скользкому льду, заходят, испуганно и в то же время благоговейно смотрят по сторонам, пытаюсь понять, куда идти и что делать. Конечно, к таким людям нужно проявить максимум любви, внимания, такта, чтобы вежливо и с теплотой рассказать, подсказать, помочь им переступить церковный порог.

Насколько Вы контролируете прихожан? Нужно ли следить, кто когда не пришёл на службу, как часто причащается? Или сейчас это уже для каждого должно быть элементом самодисциплины?

— Мне кажется, что такие вещи, когда пастырь бдительно следит за духовным состоянием каждого прихожанина, возможны лишь в небольших общинах. Там священник может быть духовным отцом для всех, хорошо знать их самих, обстоятельства их жизни, общаться помимо службы и проповеди и в другое время. Но в больших приходах, думаю, это нереально.

Сейчас, кстати, на некоторых приходах пытаются возродить первохристианские традиции. Но всё-таки Церковь — это развивающийся организм. И, на мой взгляд, то, что было актуально и необходимо в первые века христианства, не совсем работает у нас здесь и сейчас.

В первую очередь это касается духовного окормления. В первые века община группировалась и собиралась вокруг пастыря, своего духовного отца. Но если на современном приходе несколько священников, то настоятель, каким бы он ни был духовно одарённым, не сможет проконтролировать духовное состояние каждого прихожанина.

Я не имею опыта приходского служения, но в наше время городские монастыри являются, по сути, усовершенствованными приходами. Есть, конечно, отличия: в

монастырском храме более продолжительные богослужения, большее количество духовенства, но функции в основном те же.

Так вот, если количество прихожан превышает сотню, полторы или достигает нескольких сот человек, то за всеми не уследишь. Да мне кажется, что и не нужно. Не место в христианстве никакому полицейскому контролю, формальному отношению к церковной дисциплине. У каждого человека свои отношения с Богом. Мы знаем слова апостола Павла: «Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его» (Рим. 14, 4).

Прихожанин имеет свои отношения с духовником, руководствуется его советами, наставлениями, ему изливает душу и рассказывает о своих проблемах. Настоятель же всех охватить не может. И не должен. Его обязанность — следить за общим порядком в храме, призывать людей к благоговению, тишине во время богослужения, чтобы не отвлекали верующих от молитвы невыключенными телефонами, разговорами или ещё чем-либо. Это зона его ответственности, и в этом случае он вправе обращаться ко всем.

В какой форме эти обращения должны звучать?

— Это можно делать в письменном виде. Если при храме существует приходское издание, то в нём нужно печатать наставления настоятеля, высказывания святых отцов, выдержки из книг о том, как вести себя в храме, и самое главное — для чего мы вообще туда приходим.

Сознательных прихожан в храмах достаточное количество, но также много и тех, кого называют «захожанами» — людей, бывающих в церкви от случая к случаю. И вот к ним, в первую очередь, следует обращать слово, что храм — это, прежде всего, место Евхаристии, Причастия. Потому что у основной массы людей не особо воцерковлённых сформировалось отношение к храму как к некоему бюро услуг: окрестить, освятить, получить комплекс молитвословий для тех или иных обстоятельств жизни. Поэтому есть необходимость постоянно напоминать, с каким настроением нужно стоять в храме, для чего мы сюда приходим и что является здесь главным.

В устной проповеди нужно постоянно обращаться к прихожанам с наставлениями, напоминать о каких-то самых обычных, элементарных, казалось бы, вещах. Как ни странно, именно эти напоминания людей очень вдохновляют и дисциплинируют.

Скажу из своего опыта. Когда я говорю воскресную проповедь на евангельскую тему или же о смирении, покаянии, спасении, то люди слушают если не вполуха, то в три четверти уха. Но когда посвящаю беседу правилам поведения в храме, перечисляя недостатки, которые были замечены, — невыключенные телефоны, хождение в самые важные моменты богослужения, незнание этих основных моментов, стремление попасть на причастие к «своему батюшке», что, на мой взгляд, является кощунством, потому что мы причащаемся из рук Самого Христа, а не из рук батюшки... Вот когда речь заходит о таких вещах, аудитория вдруг оживляется, и видно, что такие наставления слушаются с явным интересом, находят отклик.

Понятно, включается здесь и момент любопытства, и некоторое тщеславие. Слушая подобное, люди думают: о, здесь у меня галочка стоит — хорошо; и здесь стоит; а вот так делает моя соседка, и так далее. Но всё же говорить регулярно о таких вещах полезно, и плоды видны. Люди начинают работать над собой и стараются в храме делать всё правильно. Те, кто этих наставлений не слышал, тоже будут стремиться к тому, чтобы вести себя адекватно. Всё-таки если храм во время Литургии стоит одной монолитной стеной, а не представляет из себя помещение с броуновским движением от подсвечника к подсвечнику, от иконы к иконе, с шёпотом, шарканьем и тому подобным, естественно, что только что пришедший человек станет так же, как все остальные, внимательно молиться. Будет двигаться, как говорится, в общем потоке.

Во многих наших храмах большая проблема — суета во время богослужений: телефоны, шуршание, просьбы передать свечи или непосредственно сами передвижения по храму. Молиться невозможно, возникает ропот, но верующие боятся

сделать замечание, чтобы не оттолкнуть или не обидеть собрата. Как нужно поступать в таких случаях: потерпеть, смолчать или всё же призвать к дисциплине?

— Действительно, на мой взгляд, это проблема. Когда ты стоишь в храме, а рядом с тобой человек или люди, которые так или иначе нарушают молитвенное сосредоточение.

Например, меня очень раздражает, когда кто-то начинает подпевать хору. Появляется какой-то стереозвук: с одной стороны мы слышим слаженное пение монолитного хора, который «едиными устами» хвалит Господа, а другим ухом слышно, как кто-то мурлыкает некую мелодию на тему того, что поёт клирос. Это очень сбивает с молитвы. Поэтому у нас в храме висят таблички: «Подпевать хору не благословляется».

Если имеешь желание петь в храме, то будь добр походи на певческие курсы (при нашем монастыре такие существуют), договорись о том, чтобы петь на клиросе и там проявляй свои таланты. А подпевание, на мой взгляд, является разновидностью делания человеком дела Божия с небрежением. А мы знаем, что «проклят тот, кто делает дело Божие с небрежением» (Иер. 48, 10).

Опять же, мы знаем слова апостола о том, что «в Церкви всё благообразно и по чину да бывает» (1 Кор. 14, 40). А церковный чин установлен так, что поют избранные певцы, те, которые могут благоговейно, слаженно петь Господу. В раннехристианской Церкви действительно было распространено общее церковное пение, во многих Поместных Церквях это сохранилось и сейчас. В Закарпатье, например, все поют в храме «едиными устами». Но нужно видеть, как люди идут в храм! У них в руках — Октоих, Минея и все необходимые богослужебные книги. Они раскладывают всё это перед собой — тексты стихир, всё богослужение, они знают службу, с детства в этом воспитаны. Это действительно пение единым сердцем. А когда находится один деятель, который и хору не помогает, и раздражает рядом с ним стоящих, это никоим образом пением Богу назвать нельзя, но самым настоящим церковным хамством.

Если такое поведение, мешающее молитве, имеет место, об этом можно сказать настоятелю. А батюшка поступит так, как подскажет его пастырская совесть и опыт.

С пением понятно, но что делать, когда в важные моменты службы люди ходят или разговаривают?

— У нас в храме, например, есть церковники. Это молодые люди — студенты или ребята, недавно окончившие вузы, которые в свободное время приходят и помогают следить за порядком во время богослужения. Они убирают на подсвечниках, после службы остаются на уборку в храме. Как правило, если есть какие-то нарушения, то прихожане говорят церковникам, и те уже делают замечания.

Некоторые очень дерзко реагируют: «Не мешайте мне молиться, вы разрушаете мой молитвенный настрой...» Но мы стараемся всегда очень мягко — и в то же время настойчиво донести до человека мысль, что если он пришёл в монастырь, то придётся соблюдать принятый здесь устав.

Если человек смиренный и способен замечать в себе грехи (ведь мы знаем, что свят не тот, кто видит Ангелов, а тот, кто видит свои грехи), то он скажет: «Да, простите, больше не буду». Если же на приходе централизованно работа не ведётся, если настоятель не работает с прихожанами, не наставляет их предстоять в страхе Божиим, то в данном случае уже ничего не поделаешь. Любые попытки призвать к дисциплине будут сродни борьбе с ветряными мельницами.

Тут уместно будет вспомнить слова преподобного Амвросия Оптинского: «Знай себя — и довольно с тебя». Лучше отойти в сторону, стать в каком-то уголке, где никто мешать не будет, и постараться максимально сосредоточиться на молитве. Но не спорить и не наставлять.

Мы тоже всегда стараемся внушать прихожанам, чтобы они никаких замечаний, а тем более наставлений друг другу не делали. У нас даже висит специальная табличка.

Ионинский монастырь вообще славится табличками. Что фото- и видеосъёмка разрешена. Что говорить на исповеди о грехах следует так, чтобы слышал только

духовник...

— Наглядная агитация всегда была актуальной, и какие-то краткие указания очень действенны. Когда мы попадаем, например, в аэропорт, то чётко следуем по указателям — налево, направо — и понимаем, где что находится.

Вот и в храме нужны такие указатели, где будет обозначено, как человеку себя держать во время богослужения. У нас среди прочих висит табличка, что в монастырском храме наставления и замечания имеет право делать только братия монастыря. И действительно люди, если кто-то себя неправильно ведёт, стараются как-то потерпеть или, если уж чересчур мешает, сказать об этом братии.

Мы столько говорим о дисциплине и о том, как её организовывать... А как сдружить приход? От чего зависит, станут ли прихожане друг для друга второй семьёй — братьями и сёстрами во Христе?

— Вопрос сложный. У нас как-то сразу сложилось, что прихожане стали общаться между собой.

Могу сказать, что очень объединяет совместный труд на благо прихода. Воцерковляясь, человек, как правило, испытывает огромную благодарность к Богу, любовь к Его Святой Церкви, и ему очень хочется в какой-то форме это проявить. Но как это сделать?

Есть при храмах те, кого называют «церковный актив» — свечницы, лавочницы и другие трудники. Они живут своим довольно замкнутым кругом, в то время как остальные являются «просто прихожанами» и бывают в храме в основном только во время богослужений.

Поэтому важно дать людям возможность потрудиться для Церкви. Например, в нашем монастыре довольно длительное время велась реставрация после десятилетий страшного запустения в годы безбожия. И бывали такие случаи, когда нужно было помогать выносить из храма мусор, делать перед праздниками генеральные уборки. После службы объявлялось: кто имеет возможность, пожалуйста, придите на такое-то время, будет уборка храма, территории и подготовка к празднику. И приходило много людей, которые хотели деятельно проявить свою любовь к Церкви.

Совместный труд сближает, люди знакомятся, общаются, впоследствии начинают ходить друг к другу в гости. В этот круг общения вовлекаются и их знакомые. И таким образом, приходя в храм, верующие видят уже не безликую серую массу, а своих собратьев во Христе, живущих духовной жизнью, какими-то радостями и проблемами. Они уже предстают Господу единым церковным организмом.

Но в этом кроется и опасность — когда общение превращается в «клуб по интересам», и люди уже идут в храм пообщаться не с Богом, в первую очередь, а с кругом своих знакомых. Однако одно не исключает другое: если человек идёт молиться Богу, то вполне возможно и его общение с братьями и сёстрами во Христе.

Есть ещё такой «сдруживающий» элемент — чаепития после службы. Кто должен позаботиться о том, чтобы их организовать? И какая инициатива от мирян приемлема в организации внебогослужебной жизни на приходе?

— Могу рассказать о нашем опыте. Ионинский монастырь стал одним из первых в Киеве, где была устроена чайная для прихожан. Чтобы по окончании богослужения люди могли попить чай или кофе с плюшками и таким образом продолжить общение. Надо сказать, что это была не столько наша инициатива, сколько поддержание уже сложившейся традиции. Не желая сразу после службы расходиться, окунаться в мирскую жизнь, в стремлении как можно дольше оставаться на территории монастыря и общаться с единомышленниками-христианами, наши прихожане брали с собой «тормозки» — чай в термосах, бутерброды и после службы располагались неподалёку от храма, трапезничали, общались.

Когда мы стали реконструировать старинную башню часов, то решили в первом ярусе сделать чайную. Теперь уже при ней сложилась традиция, что люди после службы не расходятся, общаются, знакомятся, обсуждают какие-то книжные новинки, договариваются о

совместных поездках к святыням или же о консультациях и помощи в той отрасли, где человек работает — медицина, юриспруденция и прочее. То есть происходит живое общение. При этом общаются не только взрослые, но и дети, что тоже немаловажно. Потому что зачастую дети из православных семей чувствуют себя в светской среде в некоторой степени изгоями. Они видят, что их сверстники живут совершенно другими интересами, а здесь, общаясь с ровесниками на территории храма, они понимают, что не одни они такие, есть те, у кого одинаковые с ними ценности.

Что касается инициативы, то у нас в монастыре всегда была негласная установка — поддерживать все добрые начинания прихожан. Есть прекрасная поговорка: невольник — не богомольник. Когда добрые дела делаются от чистого сердца и с радостью, то всё будет качественно и успешно. В таком случае наша задача — поддержать. Если Богу не угодно, то всё само разрушится. А если дело Божье, то оно обязательно разовьётся и укрепится.

Взять, к примеру, нашу воскресную школу. Опять же, это инициатива и желание прихожан, которые хотели, чтобы их дети, приходя в храм, получали какие-то основы христианских знаний. Вначале она была сравнительно небольшой, сейчас насчитывает более ста учеников. Причём школа делится на несколько возрастных групп, с которыми занимаются отдельные преподаватели.

В рамках воскресной школы возникла замечательная идея, которая в настоящее время воплощена уже во многих храмах. Бывают случаи, когда особо ревностная мама приводит ребёнка на всю Литургию. А он такого возраста, что ещё не понимает необходимости присутствия в храме так долго. Всю службу на него шипят, одёргивают, чтобы не бегал, не прыгал и не шалил. Он не понимает, ради чего это делается, а видит только запреты. Обоснованность этих запретов ему пока ещё неизвестна. В итоге к причастию ребёнка подводят издёрганым, замученным, озлобленным. Понятно, что, повзрослев, он навсегда запомнит, что храм — это место, где над ним издеваются, не дают пошевелиться, лишают свободы.

А у нас есть такая «опция», что родители с детьми трёх-пяти лет, приходя на Литургию, оставляют своих чад в специальном помещении, куда проведена трансляция богослужения. Во время Литургии под присмотром кого-то из родителей малыши там рисуют, что-то мастерят, учат стихотворения, а когда звучит Херувимская или Евхаристический канон, звук делается громче, они прерывают свои дела и в несколько этих важных минут молятся и внимают богослужению. Причём им объясняют, что именно на службе в данный момент происходит.

На причастие их выводят организованно, и, как говорится, на таких детей любо-дорого посмотреть. Они подходят к Чаше улыбающиеся, радостные: они наобщались со своими сверстниками, наигрались, с интересом и пользой провели время. После причастия их так же организованно уводят обратно для чаепития со сладостями. Таким образом, ребёнок не устаёт на службе, он знает, в какие важнейшие моменты богослужения нужно усердно молиться, и в то же время не переутомляется. От пребывания в храме у него остаются радостные ощущения.

Вот такая очень хорошая инициатива была высказана со стороны наших прихожан, мы её поддержали, и, как видите, всё сложилось удачно.

Значит, инициаторами мероприятий — от воскресной школы до адресной поддержки пожилых прихожан и инвалидов — могут выступать сами верующие? А задача настоятеля и духовенства — поддерживать благие начинания?

— Хотел бы обратить внимание, что настоятель храма ещё иначе называется пастырем, то есть пастухом. Не овцы пасут пастыря, а пастырь следит за стадом Христовым. На приходе всё делается по инициативе настоятеля, при его поддержке и под его контролем. Но если есть желание и добрая воля прихожан делать что-то полезное, и настоятель видит возможность такое начинание поддержать, то почему бы и нет.

Надо ли в Церковь привлекать? Должны ли миряне что-либо делать для этого — проповедовать среди своих знакомых и всячески приглашать в храм? Или просто жить

и дружить, ничего специально не делая для воцерковления своих родных, друзей и знакомых?

— Здесь, мне кажется, всё зависит от дарований, которые Господь даёт каждому человеку по Своей благодати. Кто-то может привлекать людей просто своим смиренным житием. Мы знаем примеры в истории, когда один человек, живя тихо, смиренно, спокойно, не стремясь ни к какой популярности, получал всемирную известность. Например, преподобный Серафим Саровский. Он удалился в глухомань, но стал известен всему православному миру.

Есть люди, одарённые словом, которые могут так ярко рассказать о Христе и так зажечь сердца, что те, кто их слушает, воодушевляются и приходят в храм.

На мой взгляд, в отношении собственной проповеди нужно помнить несколько правил. Одно из них, святоотеческое: не говори, не будучи спрошенным. Есть ещё и другое правило, апостольское: вопрошающим мы должны дать ответ о нашем уповании со всяким благоговением и кротостью. Соответственно, если человек спросит вас о чём-то христианском, о том, что касается нашего спасения, то нужно ему ответить. Но очень важно и даже необходимо перед тем, как отвечать, помолиться про себя хотя бы краткой молитвой: «Господи, вразуми меня помочь этому человеку!» или «Господи, дай мне правильные слова, мысли, чтобы я смог рассказать о Тебе и о вере».

И ещё, на мой взгляд, необходимо всегда жить так, чтобы во всех случаях нашей жизни быть христианином. Есть замечательная книга архимандрита Херувима «Из удела Божией Матери». Она о том, как греческий юноша пришёл на Афон и поступил на послушание к одному очень строгому старцу. Один из братьев обители его наставлял так: если ты монах, то ходи как монах, веди себя как монах, разговаривай как монах, молись как монах, одевайся как монах, чтобы в каждом шаге ты поступал как монах.

Так же и христианин должен во всех случаях своей жизни вести себя как христианин, поступать как христианин, говорить как христианин, в нужные моменты молчать как христианин, когда нужно — ответить как христианин. Всегда, во всех моментах жизни нужно быть христианином. Это самая действенная и самая главная проповедь — когда слова не расходятся с делом. Нет ничего страшнее и нет ничего хуже той проповеди, которая или не подкрепляется личным примером, или, что ещё хуже, когда личный пример является для проповеди ярчайшей антииллюстрацией. Вот этого нужно бояться и избегать всеми силами.

Вы упомянули о том, что Ваш храм исполняет функции прихода. Братия не ропщут? Когда люди уходят в монастырь, они жаждут уединения, а здесь получается такая многолюдность...

— Человек сам выбирает место, где он будет жить. Есть замечательная украинская поговорка: «Бачили очі що купували, тепер їжте, хоч повилазьте!» Выбирая монастырь, человек видит, куда идёт. Если это обитель, расположенная в центре столицы, с огромным количеством прихожан, то вряд ли здесь можно будет найти афонское уединение. И наоборот, если это пустынный скит, то там наверняка не будет возможности вести бурную миссионерскую деятельность.

С другой стороны, есть своя сложность и в жизни в городских монастырях. Здесь нужно прилагать все усилия, чтобы на тебе исполнились слова: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы». Братии всей своей жизнью нужно являть образец, чтобы человек видел благие примеры и имел перед глазами правильные духовные ориентиры.

Есть заповедь Христа: «Свет ваш да светит перед людьми так, чтобы они видели ваши добрые дела и прославили Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Это является своеобразной инструкцией для каждого из нас. Нельзя сказать в какой-то момент, что вот, я свечу миру и своим светом привожу людей ко Христу. Если кто-то так думает, то у него большие проблемы с духовной жизнью. Нужно понимать, что ты очень далёк от этого идеала, и ещё нужно приложить много усилий, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться даже не к свету, а хотя бы к мерцанию во Христе.

Беседовала Юлия Коминко

«Преподобный Иона незримо своими молитвами вразумляет и наставляет приходящих в наш храм» (Портал «Православие в Украине», 8 октября 2010 года)

Особой радостью для Троицкого Ионинского монастыря отмечено 4 октября 1993 года. В этот день святые и нетленные мощи преподобного Ионы были перенесены со Зверинецкого кладбища в соборный храм на место своего первоначального упокоения.

С возвращением главной святыни обители вернулась в сердца насельников уверенность, что возродится монастырь старца Ионы Киевского и исполнится обетование Царицы Небесной, когда-то обещавшей преподобному, что «иноки многи имут быти zde, и излиет Господь Бог благодать на место сие и на живущих на месте сем».

Об истории обретения мощей преподобного рассказывает настоятель монастыря архимандрит Иона (Черепанов).

— Основатель нашего монастыря преподобный Иона прожил долгую жизнь, умер в возрасте ста лет и был погребён в склепе под Троицким соборным храмом. Мощи его пребывали там до 1966 года. До этой поры монастырь уже пережил два закрытия (первый раз был закрыт в 30-х годах, второй, после возобновления монашеской жизни во время немецкой оккупации, — после войны).

И вот, в 1966 году руководство Национального ботанического сада имени Н. Гришко решило переоборудовать храм в музей ботаники. Был разработан достаточно амбициозный проект, который предусматривал переоборудование храмового помещения в двухэтажное здание. Вместо купола должна была быть башня со шпилем, на крыше — смотровая площадка, внутри купола — винтовая лестница, в центре храма хотели разместить бюст Мичурина. Фасады должны были быть оформлены в стиле павильонов ВДНХ с рогами изобилия, колосьями и прочим. Проект, кстати, сохранился, есть у нас в архиве, можно его увидеть и оценить тщетность замыслов.

В связи с началом работ по переоборудованию храма были вскрыты находившиеся в нём склепы. С правой стороны находилось погребение преподобного Ионы, с левой стороны в таком же склепе было захоронение епископа Виталия (он был правящим архиереем Калуги и находился на покое в нашем монастыре, где и умер в конце XIX века). Кем были вскрыты склепы — неизвестно, но скорее всего сотрудниками Ботанического сада или рабочими, которые переоборудовали храм под музей. Захоронения вынесли на поверхность, и стал вопрос о том, куда их деть. Обратились к жителям близлежащих районов, не найдутся ли родственники похороненных. Родственников не было, и останки находились без всякого присмотра. Захоронение епископа Виталия — а там, очевидно, были крест, панагия, митра — было разграблено. Чтобы скрыть следы преступления, злоумышленники подожгли гроб. Так остались только обгоревшие косточки.

Мощи преподобного Ионы были полностью нетленными, и об этом свидетельствовали многие очевидцы. Я разговаривал со старыми сотрудниками ботсада, и они говорили, что ни разу не видели, чтобы тело столько времени лежало под землёй, но человек был словно только что умерший — чистое, белое, лицо, борода, руки — всё было полностью сохранно!

Но даже такое явное чудо не остановило безбожников. У мощей преподобного святотатцы оторвали голову, её, согласно свидетельствам очевидцев, играли в футбол по церкви, после чего она исчезла. Вот в таком поруганном, истерзанном виде находились нетленные останки.

Об этом узнали киевские священнослужители. В частности, бывший монах Киево-Печерской Лавры иеромонах Иов. На то время он имел онкологический диагноз, готовился к смерти и заранее приобрёл себе место на Зверинецком кладбище Киева. Он назвался племянником преподобного и оформил на себя документы на перезахоронение. Гроб был сделан самим преподобным из кипариса и сохранился великолепно. В изголовье захоронения

преподобного Ионы были положены обгоревшие косточки епископа Виталия, и в таком виде останки и мощи были перезахоронены на Зверинецком кладбище. Интересно, что отец Иов, который к тому времени уже готовился к смерти, после этого прожил ещё долгую жизнь и умер всего несколько лет назад. Так преподобный Иона отблагодарил спасителя своих мощей.

На Зверинецком кладбище мощи находились до 1993 года. Надо сказать, что это кладбище среди других киевских кладбищ особенное. На нём похоронено очень много подвижников благочестия конца XIX-начала XX века. Это и монахи, и монахини, и духовенство города. Там почивали мощи преподобной Димитры, основательницы Введенского монастыря, похоронены последние настоятели Киево-Печерской Лавры, множество монахов, которые прошли лагеря, испытания, отличались подвижнической жизнью. Это кладбище — святое. Не зря оно расположено в таком месте — как раз посередине между Лаврой и Ионинским монастырём. Вот на этом кладбище мощи находились до 1993 года — когда монастырь возобновил свою деятельность как скит Киево-Печерской Лавры.

Преподобного Иону стали почитать сразу после смерти. Собственно, он и при жизни был очень почитаем. В народе наш монастырь назывался не иначе как Ионинский или «монастырь отца Ионы». Собственно, благодаря святости жизни настоятеля монастырь и был известен, других святых или достопримечательностей обитель в то время не имела.

После смерти преподобного к его склепу с благоговением шли киевляне, память о нём крепла. Сбылись слова царя Давида-псалмопевца, который говорил, что «в память вечную будет праведник» (Пс. 111, 6). И когда монастырь возобновился, монахи стали готовить документы к канонизации этого великого старца. Наместник нашего монастыря отец Агапит, который возглавил возрождённый монастырь, обратился к Предстоятелю нашей Церкви Блаженнейшему Митрополиту Владимиру за благословением на перенесение мощей к месту первоначального погребения. Блаженнейший своё благословение дал, и в 1993 году, в ночь с 4 на 5 октября мощи были обреты на кладбище и перенесены обратно в обитель на своё прежнее место.

Почему именно ночью? С чем это было связано?

— Обретение мощей происходит в ночное время, чтобы избежать наплыва зевак, любопытствующих. Вообще основные богослужения в Православной Церкви, в частности, в монастырях, совершаются в ночное время.

Во время обретения мощей непрестанно читалась Псалтирь, священники совершали панихиды, была очень благоговейная, духовная обстановка. Мощи были найдены.

Когда открыли крышку гроба, увидели, что это действительно захоронение преподобного, потому что не было главы. Вместо неё были обгоревшие косточки епископа Виталия, а на преподобном сохранилось монашеское облачение. Мощи были перенесены в обитель. На праздник Покрова Божией Матери они были торжественно возложены на место своего первоначального упокоения — в склеп. И этот день с тех пор отмечается как праздник обретения мощей преподобного Ионы.

Среди прихожан бытует история, что обретение честных мощей преподобного Ионы сопровождалось чудесами. Не могли бы Вы рассказать об этом?

— Действительно, преподобный Иона, Киевский чудотворец, явил одно из своих многочисленных чудес именно в день обретения мощей.

В этом священном процессе помогал один из рабочих Киево-Печерской Лавры. Его жена знала, где он, знала, что он исполняет такую святую миссию, молилась преподобному Ионе, чтобы он помог в этом благом деле. Утром муж вернулся домой, рассказал жене о том, как всё происходило. Затем она легла спать, поскольку всю ночь не отдыхала, ожидая мужа. А из-за работы на химическом производстве у неё были очень сильно обожжены руки, да так, что ни спать, ни работать она не могла. С рук сошла кожа, были открытые раны. И во сне ей является преподобный Иона, повелевает идти на кладбище и убрать вокруг могилы.

Женщина пришла на место, откуда перевозили мощи, и видит, что действительно есть

что убирать: щепки от гроба, кусочки ткани с облачения, которые в темноте не заметили. Всё это было разбросано вокруг бывшей могилы. И она своими обгоревшими, перебинтованными руками собрала всё и принесла в монастырь. Пояснила, что было ей такое повеление преподобного. И буквально на следующее утро, ещё даже храм не открылся, она прибежала вся заплаканная и показала руки. Кожа на них была как у новорождённого младенца — чистая, здоровая, без следов каких-либо ожогов.

Вот так произошло явное чудо: преподобный исцелил эти обожжённые руки, которые также потрудились в деле обретения его мощей.

Известно, что на тот период, когда происходило обретение мощей преподобного, обитель только начинала возрождаться буквально из состояния руин: текла крыша, всё было разорено... Сегодня монастырь — один из ведущих миссионерских центров Украинской Православной Церкви, который собирает под свои своды сотни, если не тысячи людей. Здесь находят духовное пристанище люди всех возрастов и поколений, а обитель сияет прежним благолепием. Как Вы считаете, не является ли это ещё одним чудом преподобного, который по сегодняшний день помогает своей обители?

— Вы, собственно, сами ответили на свой вопрос.

Действительно, до революции наш монастырь был очень многолюден, было несколько сот человек братии. Очень много прихожан шло к преподобному Ионе как при его жизни — за наставлениями и советами, так и после его смерти, чтобы помолиться у могилы. И я думаю, что преподобный незримо своими молитвами продолжает поддерживать эту традицию. Вразумляет, наставляет священнослужителей относиться к приходящим в храм хотя бы с маленькой частицей той любви, которую имел он сам. Наставляет прихожан иметь такую же ревность и стремление к Господу, какая была у его духовных чад. А над всем этим пребывает Господь, Который благословлял и нашего великого старца, и ныне помогает на пути ко спасению всем, кто приходит в эту обитель.

Беседовал Николай Лысенко

О современном монашестве (Портал «Православие. Ри», 29 августа 2006 года)

Сегодня Троицкий храм Ионинского монастыря предстает глазам тысяч его посетителей с разных концов Украины и зарубежья в обновлённом виде, с резным иконостасом и прекрасными росписями. В каждый праздничный день к нему вереницей стремятся люди, спешащие оторваться от повседневной суеты. Особенно нравятся прихожанам и гостям монастыря его уставные богослужения, украшенные торжественным пением слаженного хора. За литургией и вечерним богослужением звучат древнерусские и византийские церковные песнопения. Многочисленные прихожане обители, от самых юных до людей зрелого возраста, исследуют Священное Писание, изучают историю Церкви, обучаются греческому языку, основам живописи и хорового пения. Многие из них стараются помочь в проведении реставрационных и других работ, лежащих на плечах немногочисленной братии. В рождественские дни неповторимую атмосферу создаёт пение праздничных колядок в исполнении монастырского и детского хоров, а также хора воскресной школы. При обители издаются молодёжный журнал «Отрок», еженедельный «Ионинский листок», другие периодические и непериодические издания, проводятся молебны с сурдопереводом для прихожан с недостатками слуха, функционирует паломническая служба «Навигатор». Уже не первый год братия ведёт радио- и телепередачи, участвует в организации кинофестиваля «Покров». Новости и анонсы предстоящих событий регулярно публикуются на сайте монастыря (www.iona.kiev.ua).

Вы руководите обителью, которая сравнительно недавно начала своё возрождение. Как удаётся сохранять преемство монашеской традиции?

— Как и во всех вновь открывшихся киевских монастырях, костяк нашей обители составляет братия Киево-Печерской Лавры. Лавра была открыта в 1988 году, и в её состав влились монахи, некоторые из которых были пострижены ещё до её закрытия в 1961 году. Был даже монах (схиархимандрит Дионисий), постриженный в 20-х годах прошлого столетия. Практически вся наша первоначальная братия имела лаврскую подготовку, прошла лаврскую школу. Старые иноки ещё помнили старые традиции, и в общении с ними братия монастыря могла перенимать стиль общения и жизни, внутренний облик прежних монахов.

Один христианский автор говорил, что монах должен всегда, во всех поступках действовать как монах, ходить как монах, вкушать пищу как монах, молиться как монах, даже смотреть как монах. Действительно, монах должен постоянно соизмерять себя с монашескими традициями. А если нет перед глазами тех, кто видел былых подвижников и старцев, то сложно возродить то, что утеряно. Киево-Печерская Лавра в этом отношении создала благоприятные условия. И подобно тому, как лавра времён преподобных Антония и Феодосия была рассадником монашества по всей Руси, так в XX веке Киево-Печерская Лавра оказалась рассадником монашества по всей Украине. По крайней мере, все киевские монастыри имеют своим костяком печерских монахов.

Потому у нас, слава Богу, сохранилась традиция, был передан распорядок жизни, порядок взаимоотношений между братией, устав богослужения, знаменитый киево-печерский распев. Богослужбное пение восстанавливалось у нас не только благодаря партитурам, но и братии, которая помнила особенности киево-печерского распева.

Ионинский монастырь находится на территории Ботанического сада, в центре Киева. Как на монастырь влияет окружающая городская жизнь?

— Ещё до революции городские монастыри имели свою специфику. Ведь были обители пустынно-аскетичные, такие как Глинская, Нило-Сорская пустыни и многие другие, которые находились в удалении и уединении. Там царил сосредоточенный образ жизни и образ делания.

Но были монастыри и городские, которые, скорее, были центрами духовного окормления верующих. Потому исторически сложившаяся градация существует. Все читали жизнеописания преподобных и знают, что специфичное для монаха служение есть молитва о себе, молитва обо всём мире, плач о своих грехах, но поделяя бывают разные. У одних поделием является сельское хозяйство, физический труд, у других — издательская деятельность, просвещение, образование, у третьих — миссионерство, проповедничество. Так и каждый монастырь имеет более-менее ярко выраженное направление деятельности. Так было до революции, так есть и сейчас.

Наш монастырь находится в мегаполисе, в столице Украины, и, действительно, мир окружает нас со всех сторон. Но человек, который избирает монашеский путь, должен определить: что он ждёт от монастыря? Если его люди раздражают и он желает максимально сосредоточиться, то не стоит выбирать столичные обители. Наверное, более разумным будет выбрать уединённое место, где будут условия для аскезы, углубления в себя. Если же человек идёт в городской монастырь, то ему нужно быть готовым к тому, что придётся ежедневно сталкиваться с людьми, быть на виду, общаться, по мере сил стараться им помочь. Есть известная пословица: свет мирянам иноки, свет инокам Ангелы. Многим мирянам для укрепления сил достаточно посмотреть на людей, которые стремятся жить ради Господа, отречься от мира и страстей, чтобы и самим постараться стать лучше, очиститься.

Но ведь не все люди желают смотреть на монахов, чтобы получить духовную поддержку. Есть, наверное, и много скептиков, которые приходят в монастырь как в музей, с туристическими целями?

— Последние лет десять наша братия не сталкивается с проявлениями враждебности или скептицизма. Это результат того, что православие сейчас имеет возможность развиваться и быть представленным в информационном пространстве. Люди всё больше узнают о монастырях и том, ради чего люди в монастырях живут.

Когда-то, в 1990-х, действительно в Лавру приходили люди с определённой долей

скептицизма, задавали провокационные вопросы. Но братия как-то с юмором на это реагировала. Главное — отвечать с расположением и любовью, тогда люди видят, что их усилия успехом не увенчиваются и задумываются о том, уместны ли были заданные ими вопросы.

Вы говорили о разнице послушаний для пустыней и городских монастырей. Можно ли говорить в этом случае и о различном монашеском подвиге? Есть ли вообще какой-то особенный современный монашеский подвиг?

— Обеты, изложенные в чинопоследовании монашеского пострига, для всех монахов одинаковы. Обещания жить целомудренно, соблюдать послушание священноначалию, в постничестве пребывать — одни и те же для любого монастыря. И монах — как солдат: дал присягу — и себе уже не принадлежит, он принадлежит Церкви. Потому ему нужно трудиться, чтобы не было больно «за бесцельно прожитые годы». Если Господь призвал на этот путь, то нужно терпеть те послушания, которые приходится нести в городе или в другом месте. Особой разницы нет: куда Господь призвал, на том месте и трудись.

У многих людей, которые читали книги о древнем монашестве, патерики, в представление о монашестве не укладывается то, что они видят иноков, едущих в автомобилях, отвечающих на вопросы через интернет, проводящих встречи с молодёжью, живущих в бытовом плане в достаточно цивилизованных условиях. Как современные условия жизни можно сопоставить с древностью?

— Нужно воспринимать предание Церкви, не выхватывая узкий временной участок, а смотреть более широко. Если смотреть на жизнь первых монахов времён Антония Великого, то тогда было полное самоотречение, уход от мира. Но можно вспомнить монахов более позднего времени, которые жили вокруг Константинополя и даже внутри этого мегаполиса. Можно взять и более близкие нам примеры. В Средние века на Руси существовали некоторые разделения. Например, полемика между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. Иосиф Волоцкий занимался практически тем же самым, что делают современные городские монастыри, только что средства коммуникации были несколько архаичны. Он вёл полемику, отстаивал интересы Церкви — то есть занимался всем тем, чем и ныне живут столичные монастыри.

Влияет ли на монашеский подвиг то, что некоторым из братии приходится управлять большими и сложными проектами, требующими постоянного контроля, долгосрочного планирования?

У них плотный график работы и не всегда есть возможность ежедневно посещать богослужения. Как им быть?

— Главный враг монаха — праздность. Молитва — это и дар, и подвиг. Мало кто умеет в наше время молиться. Если человек не стяжал настоящей молитвы, а стяжавших в наше время единицы, нужно обязательно быть занятым, чтобы в голову не лезла всякая чушь и не тянуло на ненужные «подвиги». У человека, когда он сильно загружен на послушаниях, не остаётся сил и времени на развлечения и мирские утешения.

Что делать в монастыре тому, кто получил современное образование, чётки плести не умеет, огород никогда не копал, особым рукоделиям не выучился?

— Господь каждого человека наделил какими-то талантами, каждого ведёт особенным путём. И если Он провёл человека через офисный центр или автопредприятие, значит, это неспроста. Господь ничего просто так не устроит, и если человек получил какую-то профессию, пришёл и сложил её к стопам игумена, то его стараются, во всяком случае у нас, в этом направлении и двигать. Как говорят, невольник — не богомольник. Любой игумен знает, что если человеку послушание неинтересно, то рвения к работе, искренней отдаче не будет.

С одной стороны, уход в монастырь — это уход из мира, от мира. Но мы видим, что сегодня монастыри стали активными участниками социальных и даже политических процессов.

— Апостол Павел говорил: «Ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6, 12). Если

какая-то обитель занимается социальной или даже политической жизнью, то это делается для блага Церкви. Всё в монастыре делается по послушанию. Братия — в послушании у своего игумена, настоятеля, а тот, в свою очередь, — в послушании у епархиального архиерея.

Если монастырь ведёт какую-то деятельность, то это не потому, что братия хочет проявить себя на социальной или политической арене, а потому, что им дали такое послушание, это их служение. В советское время была песня: «Если не я, то кто же? Кто же, если не я?» Кто, если не монастыри, будет заниматься воцерковлённой социальной, гуманитарной, издательской деятельностью?

У монаха нет семьи, он не обременён житейскими заботами. Фактически он живёт как при коммунизме: от каждого по возможности, каждому по потребности. Коммунисты, кстати, переняли этот лозунг у монахов. Монах приносит обители, Церкви то, что может, и получает то, что ему нужно по необходимой потребности.

Может ли повлиять политика на монастырь? Или монастырь на политику?

— Если монастырь влиятельный, пользующийся авторитетом, то это вполне возможно. Но политика не в широком смысле, а в узком — церковно-государственных, нравственных отношениях. Мнение таких монастырей, как Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра, может повлиять на умы и настроения множества людей. Я прекрасно помню, как в 1992 году, когда бывший митрополит Киевский Филарет откололся, вся Украина смотрела — с кем Лавра, кого в Лавре поминают. Благодаря тому, что Лавра осталась православной, последствия раскола оказались не столь пагубными. Осталась лишь полемика между националистами, которые в Церкви не Иисуса Христа ищут. Благодаря здоровому монастырскому консерватизму два сильных раскола XX века — обновленческий и филаретовский — не сильно повлияли на Церковь. Монастыри остались верны православию, ушла только часть белого духовенства.

Конечно, есть примеры и ультраконсерватизма. Как, например, всем известные кампании борьбы с ИНН, канонизации Распутина и тому подобные бабьи сплетни. Это свидетельствует о том, что такое понятие, как послушание, в монастыре отошло на задний план и не воспринимается как монашеская добродетель. Если мыслить экклезиологически, Церковь управляется Духом Святым. Дух Святой действует через собор архиереев. Господь вверил власть не отдельным старцам, а собору епископов. Потому любые глобальные решения и выводы может вынести собор устами предстоятеля — патриарха или, как в нашей Церкви, — митрополита, а не через отдельных старцев-духовников. И, следовательно, монах, да и любой человек, мыслящий церковно, должен решения епископов исполнять.

В уставе об иерархии в Церкви указано, что епископы должны поставляться из монашествующих. Стремятся ли монахи быть епископами? И есть ли среди них достойные кадры для этого служения?

— Конечно, кадры всегда есть и будут. Если даже в тяжелейшие времена находились кадры, то есть и в наше время. Желających и могущих Господь всегда найдёт и поставит на эту службу. Не стоит забывать, что глава Церкви — Христос, и Сам Христос Церковью управляет.

Желают ли монахи стать епископами? Говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Наверное, в помыслах у многих проскальзывали подобные мысли. Это на сердечном уровне — некоторые тщеславные влечения. Но у тех, кого я знаю, если даже что-то подобное и возникло, если сердце прыгнуло куда-то не в ту сторону, то ум подсказывал: попробуй спастись, выполнив хотя бы те обеты, которые ты дал, будучи монахом или иеромонахом. Уже при этом служении шанс на спасение весьма призрачный, а тем более — в архиерействе, когда отвечаешь за многотысячную паству. Это очень тяжело — мудро править своими пасомыми, это тяжелейший крест церковного послушания.

Давайте поговорим о молодых людях, поступающих в монастырь. В прессе, на телевидении постоянно демонстрируются сюжеты, противоположные обету целомудрия. Как сейчас соблюдается этот обет, который даёт молодой монах? Есть ли трагедии в связи с этим обетом?

— Действительно, сейчас с этим тяжело. Мир просто наваливается со всех сторон. Многие духовные люди считают монашество одним из таинств Церкви, хотя оно в список таинств не входит. В монашестве человек даёт обет, и Господь Сам человека явственно поддерживает. О том, что это действительно так, я знаю по себе. С 1990 года своими глазами вижу, что только единицы этот обет не соблюли. Хотя и тяжело, «мнози борют страсти», Господь явственно помогает и укрепляет.

В наше время хранить целомудрие одинаково тяжело как в монашестве, так и в браке. Ведь человек, живя с женой в христианском браке, также подвергается воздействию развращающей рекламы СМИ. Ему постоянно предлагается: «сниди со креста», — его приглашают к измене. Весь мир тянет его от своей жены куда-то «на сторону далече». Потому сейчас одинаково тяжело спастись как мирянам, так и монахам.

Бывает ли, что кто-то уходит из монастыря?

— Как правило, это происходит из-за того, что человек не ужился с братией и священноначалием, имел трения и недоразумения. Бывает, что ввиду церковной пользы монаха переводят в другую обитель. Как правило, в ту, которую нужно возродить.

В обетах монашеских сказано: «Обещаешься ли пребывать до смерти в этом монастыре или где тебе будет повелено от священноначалия?» Если по послушанию человека перевели, то для него это благое и спасительное дело. Если же сам уходит, то это неправильно и недуховно.

В Отчнике описан пример одного монаха, который ходил по монастырям и везде искал духовной жизни, но везде с кем-то не уживался. Однажды он встретил старца, который ему сказал: «Ты везде ищешь места, где нет дьявола». Враг рода человеческого везде будет гнать в другое место, показывать радужные перспективы и внушать мысль, что «хорошо там, где нас нет». Обычно, если человек перешёл из одного монастыря в другой, то этим метания не заканчиваются. Он ищет ещё и ещё...

Какая разница между личным смирением человека и тем, когда его смиряют? Насколько «добровольное послушание» добровольно?

— Бывает и такое, что человека «ломают», как в армии. Но прежде чем человека смирать, нужно самому стяжать смирение. Если кто-то сам знает, что такое — тяжело трудиться, быть в послушании, он никого смирать не будет. Тем более в наше время, когда люди приходят из расцерковлённого мира, не из христианских семей, без предварительного начального воспитания. Из насильственного «смирения» происходит не улучшение духовного состояния смиряемого, а наоборот — его озлобление, ропот и другие нехристианские чувства.

Один из моих знакомых ушёл в подмосковный монастырь. Сам он парень был беспокойный, резкий, вышел из совершенно светской среды. Через полгода сестра приехала его навестить и увидела его благостным, спокойным, умиротворённым. Она спросила его: «Тебя, наверное, так засмиряли, что ты уже стал шёлковым?» Он ответил, что как раз наоборот, его никто не трогает и не дёргает. «Если бы меня стали смирать, я стал бы ещё более буйный и озлобленный, — сказал он. — Но ко мне относятся по-человечески, по-христиански». Вследствие такого отношения он стал лучше.

Любящие родители всегда желают счастья своим детям. Под этим подразумевается, что они хотели бы видеть потомство своих детей, своих внуков. Молодого человека, который желает вступить на путь монашества и дать обет безбрачия, родители могут не благословить идти в монастырь. Как быть?

— Любой, кто читает жития святых, видит, что многие преподобные имели проблемы с родителями. Особенно если речь идет о юношах. Почитать хотя бы жизнеописания преподобных Феодосия или Варлаама Киево-Печерских. В них ярко описана родительская ревность. Но так бывает не только с монашеством, и при вступлении в брак родители подспудно ревнуют своего ребёнка к супругу или супруге. Даже если ребёнок просто ходит в монастырь, воцерковляется, зачастую родители по этому поводу волнуются. И не обязательно при этом они должны быть безбожники и атеисты, противники православной

веры. Просто это такая родительская ревность: ребёнок до 15–16 лет был у них «под крылом», и вот появляются какие-то новые убеждения, согласно которым он стремится сам направлять свою жизнь и однажды решает идти в монастырь...

Если родители являются практикующими православными, тогда благословение нужно, и оно имеет духовное значение. Ребёнок чувствует родительскую поддержку и ощущает, что он — молитвенник за весь свой род, ведь родители благословили ему молиться за всех предков: и почивших, и живых. Но если родители не воцерковлены, то в девяноста девяти случаях из ста они не благословляют и не разрешают чаду идти в монастырь. Однако через некоторое время успокаиваются, ведь они же желают счастья своему ребёнку. И если видят, что он счастлив, бодр, весел, радостен, что обрёл в монастыре смысл жизни, то через некоторое время и сами начинают чаще ходить в храм, жить церковной жизнью. Так бывает очень часто, практически в большинстве случаев.

А как быть с попечением о родителях в их старости, когда они нуждаются в материальной поддержке или в повседневном уходе? Что если ушёл в монастырь единственный ребёнок?

— В таком случае обычно священноначалие благословляет оказывать родителям помощь. Помощь может быть материальная или физическая. Например, съездить домой помочь выкопать картошку. Все эти вопросы решаемы. Кто-то из древних святых, когда его мать заболела, покинул пустыню и ухаживал за матерью до конца её жизни. Это одна из добродетелей — помогать родителям.

Есть ли сейчас у монахов свои личные средства, деньги?

— Личных средств и личных вещей нет, пожалуй, только в особо строгих монастырях, на Афоне или в особых келлиях. В наших обителях почти у всех есть личное имущество. Но в чём оно заключается? Как говорил Василий Великий, стяжание монаха должно быть — книги духовного содержания, от одного воззрения на которые человек должен расставаться с неправильными мыслями и помыслами. Если какие-то средства братии и попадают, то, как правило, идут на покупку книги или иконы. Если средств не хватает на иные духовные, бытовые или специальные нужды, то брат обычно обращается к настоятелю, и тот при необходимости всегда выделяет потребные средства.

Получают ли монахи, достигшие пенсионного возраста, пособие от государственного пенсионного фонда?

— На Украине, насколько я знаю, нигде такое не практикуется. Но если монах вручает себя в руки Божии, то Господь о нём печётся. Действительно, «не видех праведника оставлена» (Пс. 36, 25). Братия монастыря будет всегда тебя в старости досматривать, чтобы последний этап на пути к Богу был путём, а не периодом зол и раздражений. Все стараются сделать так, чтобы старость была безболезненна, непостыдна и мирна.

У апостола Павла в обращении к филиппийским христианам написано: «Радуйтесь всегда в Господе... радуйтесь» (Флп. 4, 4). Как это относится к монашествующим?

— Монахи — это самые радостные и счастливые люди! У них осуществляется принцип: человек не имеет никаких попечений. Миряне ломают голову над тем, как прокормить семью, купить одежду, заплатить за квартиру, отремонтировать машину или дом — масса суетных и хлопотных житейских попечений. Монах же выполняет небольшую возложенную на него работу: молится Господу и исполняет послушание. И всё. Он не имеет больше никаких хлопот, живёт той жизнью, которую избрал, и постоянно пытается выполнить завещание апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите» (1 Фес. 5, 16–18).

— **Церковный устав, Типикон, которым мы пользуемся, написан много веков тому назад. В наше время люди стали более немощные и порой жалуются, что им тяжело всё записанное там понести. Есть ли какой-то минимум правил, придерживаясь которых, можно считаться православным христианином, какие-то универсальные принципы?**

— Но это же всё внешнее. «Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит» (Пс. 50, 19). Господь не просит: «Сыне, дай Мне твои ноги или твоё время», — а просит нас дать Ему своё сердце. Все внешние действия являются средствами к стяжанию внутреннего. Подвиги, которые человек несёт, — средство, а не цель.

Важно, чтобы человек причащался. А большее или меньшее молитвенное правило, строже или слабее пост, — это уже на усмотрение духовника. Главное — жить во Христе и в Церкви.

Если же говорить о современном монашестве, то вспомним, что «Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). И потому монашеская гвардия всегда та же. Сущность монашеского служения всегда остаётся неизменной — это служение Богу, ближним и, конечно, молитва обо всём мире.

Беседовал Иван Пиковский

В гостях у журнала «Отрок.ua»: они прошли испытание славой, гордыней и временем (Портал «Православие в Украине», 4 июня 2009 года)

Накануне Международного дня журналиста коллеги из редакции молодёжного православного журнала «Отрок.ua», что издаётся при Киевском Троицком Ионинском монастыре, пригласили сотрудников сайта «Православие в Украине» в гости. Вот так, под распевы ионинской братии, за дружественной чашкой чая и состоялась эта беседа...

В разговоре приняли участие главный редактор «Отрока», наместник Ионинского монастыря архимандрит Иона (Черепанов), ведущий автор издания, известный киевский проповедник протоиерей Андрей Ткачёв, а также члены редколлегии: игумен Иоасаф (Перетяцько), Екатерина Ткачёва, Варвара Зуева и дизайнер Ольга Домбровская.

К редакции «Отрока» накопилось множество чисто профессиональных вопросов: как планируется номер, где отыскивают столь редкое в наше время сокровище, как православные авторы. Да и просто хотелось заглянуть на творческую кухню коллег, узнать, из каких ингредиентов готовят они свой глянцевоый шедевр — полюбившийся уже верующим и неверующим Украины и России красочный молодёжный журнал.

О том, как находил «Отрок» своё лицо, о болезнях роста и первых лучах славы и велась беседа коллектива «Православия в Украине» в гостях у редакции журнала «Отрок.ua».

Позвольте начать беседу с наблевшего: как вы думаете, почему сейчас так мало православных изданий, информационных проектов, авторов? Да и те, что есть, зачастую не могут найти между собой общий язык...

— **Архимандрит Иона:** Это глобальный вопрос. Но по опыту наших проектов могу сказать, что мы находим общий язык со всеми. Наш принцип: «Аще возможно, быти в мире со всеми». Мы специально отказались от какой-то полемичности и политичности «Отрока» и вообще всех наших миссионерских проектов (в монастыре издаётся также «Ионинский листок», есть и электронная версия журнала, и «Листок» выкладывается на сайте). С первых дней жизни наших детищ мы сразу встали на эти ключевые позиции, потому, возможно, и получается держать баланс. Даже если кому-то что-то в нас не нравится, то это, скорее, дело вкуса, но никак не в силу полемического или дискуссионного тона наших изданий.

Игумен Иоасаф: Что касается споров, симпатий и пристрастий, то я могу сказать одно: православие — самая глубокая религия. И в то же время, самая тяжёлая и неудобная по своей сути. Поэтому, естественно, намного проще и легче подружиться со Христом где-нибудь на стадионе и заодно попеть песню, чем пытаться работать над собой. Это мало кто у нас любит. И часто человек, сердца которого коснётся Христос, если приходит в Церковь, то останавливается на уровне катехизиса. Почему? Потому что в силу своего характера

пытается удержаться на поверхности, не нырять глубоко.

Нарекания или замечания в свой адрес часто доводится слышать?

— **Архимандрит Иона:** Слава Богу, пока нет. Единственный нюанс: наш журнал не продают в некоторых иконных лавках. Но это там, где руководят не священники, а тётушки-лавочницы. И при этом отказы в реализации аргументируются какими-то индивидуальными субъективными причинами.

Но в целом никакой напряжённости нет. Наверное, потому, что мы, повторюсь, максимально аполитичны.

Как создавался «Отрок», с чего всё начиналось?

— **Варвара Зуева:** «Отрок» — журнал для детей, для отроков. В результате первой попытки выпускать этот журнал несколько лет назад вышло три или четыре номера, а потом всё приостановилось. Тогда не было финансирования, не была выстроена концепция, мы толком не понимали, кто наша аудитория, да и творческий ресурс поначалу был мизерным — над проектом работало полтора человека! Вскоре при монастыре появилась «молодёжка», и отец Иоасаф принял волевое решение, что «Отрок» должен пережить второе рождение.

Игумен Иоасаф: Нет, принимал решение отец Иона!

Варвара Зуева: Но отец Иоасаф был движущей силой. Собственно, отец Иоасаф нашёл Екатерину Ткачёву, с приходом которой судьба журнала кардинально изменилась.

Екатерина Ткачёва: На тот момент я работала в разных газетах и журналах. И как-то мне пришла идея сделать интервью со священником. С этой целью я пришла к отцу Иоасафу...

Игумен Иоасаф: Екатерина стала первым клиентом «молодёжки». С ней мы спорили по поводу сект. Вот так: пришла брать интервью, да и задержалась!

Как родилась идея создать информационный продукт для именно такой возрастной категории?

— **Архимандрит Иона:** Действительно, журнал предназначен для широкой, но непростой аудитории. Как родилась идея? Как ни странно, но это тот случай, когда пожелание благодетелей пришлось, что называется, ко двору. Обычно если человек что-то финансирует, то часто пытается вмешиваться в редакционную политику, руководить. Не всегда это выходит тонко и корректно, зато однозначно болезненно для редакции.

В нашем случае было так. Мы познакомились со Всеукраинским объединением «Держава». На тот момент они решили помогать в издании журнала и профинансировали первый номер ещё старого формата. Это не был «Отрок» в его нынешней ипостаси, скорее, пример стандартного православного журнала для детей: достаточно неяркий, очень традиционалистический, где перепечатки дореволюционных авторов чередовались с историческими ребусами... Нечто архаичное. И «Державе» это не очень понравилось. С их стороны прозвучали рекомендации как-то омолодить журнал, сделать упор на современность и поменять возрастную планку: для молодёжи не десяти лет, а хотя бы лет от шестнадцати-семнадцати и старше.

С этого и начался «Отрок» в нынешнем формате. Мы собрались, обсудили это своим небольшим коллективом и решили, что «взрослеть» нужно. И встал вопрос о названии журнала. Собственно, тот, первый, «Отрок» был уже отчасти сложившимся брендом...

Варвара Зуева: Хотя номеров вышло всего-то три, но его уже знали.

Архимандрит Иона: На фоне того, что тогда вообще не было никаких журналов, в узких кругах он был уже более-менее известен.

Варвара Зуева: Очень долго думали, и отец Иона придумал новое название — «Отрок.ua».

Игумен Иоасаф: Кстати, очень удачное. Потому что, изучая впоследствии вопрос о том, как даются имена и названия, мы выяснили, что сделали всё очень правильно, в соответствии с современной наукой о брендах: соединение архаичности и приближение к новым технологиям вызывает интерес, однозначно привлекает внимание.

Встречали ли вы ещё где-нибудь подобные варианты названий?

— **Игумен Иоасаф:** Кажется, мы первыми запустили такую фишку. Хотя потом стали свидетелями, как наш удачный опыт перенимают.

Один наш знакомый, талантливый врач-стоматолог, как ни странно, личность творческая, ломал голову над названием стоматологического сайта. Мы как раз были у него в гостях, привезли ему наш журнал. Он посмотрел на него и воскликнул: «У вас «Отрок.ua», а у меня будет «Имплант.ru!»» Вот так наша идея ушла в массы.

Признайтесь, были в работе откровенные промахи, возможно, в подборе материалов, тем, в подаче?

— **Варвара Зуева:** Случалось... Были смешные ляпы, казусы, много чего было!

Архимандрит Иона: В одном из номеров мы напечатали статью игумена Варсонофия в жанре фэнтези о том, как человек попадает в загробный мир и видит в аду разных мучающихся грешников. И вот у каждого грешника какая-то своя история. Одна из них называлась «Дезертир». Речь шла о монахе, который бросил монастырь и вернулся к мирской жизни. Девчата, когда готовили статью (а надо сказать, что они у нас дамы невоенные, слова «дезертир» в литературе, видимо, не встречали), рассудили своеобразно...

Екатерина Ткачева: Как-то в голову пришло латинское слово *deserta*, пустыня. Значит, думаю, не «дезертир», а «дизертир». Оказалось, что слова-то однокоренные.

Архимандрит Иона: Написали «дизертир» и в подзаголовке, и в самом тексте. И когда это всё вышло...

Игумен Иоасаф: ...отец Иона чуть сознание не потерял!

Варвара Зуева: Но в итоге батюшка принял очень мудрое решение. «Я, — говорит, — вам епитимью назначаю: тысячу раз написать слово «дизертир»».

Игумен Иоасаф: Правда, из этой ситуации мы вышли очень ловко. Подумали, что если кто-то придерётся, то объяснение простое: у демонов (о которых идёт речь в рассказе — *ред.*) всё с ног на голову, поэтому и слово так написано.

Ну, это у вас ещё очень мягкие ляпы...

— **Екатерина Ткачёва:** Однажды поместили вместо портрета Клайва Льюиса фото Льюиса Кэрролла.

Варвара Зуева: Причём все долго смотрели и решили, что это он в молодости! Подумали, что это редкая фотография.

Ой, бывает, что проверяем-перепроверяем по несколько раз все, и всё равно закрадывается ошибка.

На что ориентируетесь, когда подбираете материалы? Есть какая-то глубинная идея?

— **Екатерина Ткачёва:** Всегда по-разному. Бывает так, что совершенно промыслительно собираются материалы на одну тему, и выходит тематический номер. В других случаях тема прорастает годами. Чаще всего тематика порождена самой жизнью, общением, насущными для нас вопросами. У нас есть базовые авторы, которых просим письменно осмыслить некую глобальную тему. Наличие таких авторов, как отец Андрей Ткачёв, Ирина Гончаренко — уже достаточно для того, чтобы на этой базе что-то надстраивать.

«Отрок» намного превышает ожидания. У него есть глубина, и она всегда непредсказуема. Чтобы материалы были глубокими, нужно умело их подбирать. Чем вы руководствуетесь при отборе?

— **Екатерина Ткачёва:** Мы стараемся, чтобы номера были разными, не делаем их одинакового уровня сложности. Если подбирать статьи исходя из того, что интересно только нам, так, как это было, допустим, в великопостном номере, поступают замечания от своих же сотрудников: «Что вы делаете? Кому это интересно: Апокалипсис, конец света?!» Один наш коллега сказал: «Я читал этот номер два раза и ничего не понял!»

Да, такой номер оценили бы священники, например, или люди глубоко воцерковлённые.

— **Екатерина Ткачёва:** В том-то и дело! Но журнал ведь миссионерский. И нужно

чередовать материал, делать номера полегче, позвонче, помолодее. Выбрать злободневную тему, сделать привлекательную обложку... Естественно, фундаментальные темы в любом случае поднимаются, без них нельзя. Просто процент их другой.

Есть ещё такой момент. Некоторые православные издания заигрывают со светским читателем. «Мы вам расскажем о вере, спасении, о Христе, а вы — хотите, верьте, хотите — нет. Мы не заставляем». У «Отрока», похоже, другая позиция. Ваша платформа такая: есть Христос. Хотите — не хотите, но это так! Не видеть Его нельзя. Не говорить о Нём нельзя...

— **Екатерина Ткачёва:** Помню, была в «Фоме» когда-то такая дискуссионная тема: «Православие light». Речь шла о том, допустимо ли заведомо облегчать православие, зовя туда. Рассказывать, как у нас всё легко и прекрасно, чего на самом деле нет. Надеемся, «Отрок» не опустит эту планку, ведь наши авторы «ширпотреб» не пишут.

Игумен Иоасаф: Дело, мне кажется, в том, что все считают православие одной из религий. Миссионерская деятельность нашего монастыря основана на принципе: православие не одна из религий, а жизнь. А уже в этой жизни есть более глубокие вещи и менее глубокие. Но православие само собой подразумевается, оно даже не обсуждается.

Как вы правильно сказали, есть Христос. С этим уже никто не спорит. Православие было, есть и будет. А вот как жить вообще и что с этим делать дальше — это как раз вопрос. Причём, как видно по нашим публикациям, православие больше ставит вопросов, чем на них отвечает. Задаёт вопросы в правильном направлении, даёт возможность человеку куда-то двигаться.

У православных верующих можно выделить две полярные позиции: одни считают, что всех, кого надо, Господь Сам призовет, всякого в своё время, другие настаивают, что нужно бороться за каждого и приводить его чуть ли не за руку. Какая позиция ближе редакции «Отрока»?

— **Игумен Иоасаф:** Помните, как у апостола Павла: «Горе мне, если не благовестую». Мы благовествуем. А дальше уже Господь Сам рассудит, может ли это принести какую-то пользу человеку, Церкви или нет. Наше дело благовествовать, а человек пусть уже этим словом распорядится по своему усмотрению.

Как нужно вести себя с невоцерковлённым читателем?

— **Игумен Иоасаф:** Заставлять думать.

А если он спорит, причём просто так?

— **Игумен Иоасаф:** Не спорить! Мне в этом смысле очень нравятся статьи отца Андрея. Он ни с кем не спорит.

Ну, отец Андрей пишет так, что с ним не поспоришь!

— **Игумен Иоасаф:** В том-то и дело! Он просто заставляет думать. Ты или читай его статью (но тогда извини, брат, придётся нырять в глубины), или не берись. Потому что просто так, лёгким чтивом не отделаешься. Если уж начал читать, то статья заставит тебя думать. А спорить ты можешь сколько угодно!

Архимандрит Иона: Хотелось бы отметить, что миссионерство — это не только умные разговоры о Боге. Все стороны жизни нельзя объять печатным словом, каким бы ярким и искренним оно ни было. Что-то раскрывается только в непосредственном общении.

Мы с отцом Иоасафом, например, учились в светских вузах. И в институте, университете все окружающие знали, что мы — православные, выстраиваем свою жизнь по-христиански. И я не сталкивался ни с одним случаем, чтобы кто-то, зная, что я православный, вёл бы себя неуважительно по отношению к моей вере. Если я себя чётко позиционирую как православный и стараюсь по мере сил так жить, то даже как-то особо говорить об этом не нужно. У людей само по себе возникает расположение. Причём не ко мне, а именно к вере, уважение той позиции, что человек не стыдится, не стесняется своей веры.

Если у тебя нет дара красноречия, ты не владеешь мастерством слова, чтобы донести что-то до слушателя, то можешь хотя бы своей жизнью показать пример православного

делания.

Игумен Иоасаф: Вот и отец Андрей в своих статьях прямо не говорит: ну-ка все идите в церковь! А вызывает у читателя размышления.

Возможно. Но, например, статья «Возвращение в рай» в одном из последних «Отроков», где речь шла о сошествии Христа во ад и диалоге праведников перед этим, написана очень смело. Чтобы так написать, нужно иметь больше, чем просто дар слова...

Кто ваши авторы? Много внештатников?

— **Екатерина Ткачёва:** У нас все авторы внештатные.

— **Как сформировался авторский коллектив?**

— **Екатерина Ткачёва:** Сегодняшний коллектив авторов — это стяжание многих лет. Сначала, конечно, такого изобилия не было. Вообще, я не помню, как мы жили, когда не было отца Андрея. Раньше мы много перепечатывали из других изданий. Сейчас этот этап позади. Стараемся не заимствовать материалы, хотя бывают такие вещи, когда готовы поступиться престижем ради важной информации. Так, например, была статья в «Фоме» «Исправитель зла». Речь шла о том, почему Господь допускает какие-то несправедливости, войны, смерть детей. И ради этого материала мы закрыли глаза на некоторые наши принципы, и отец Иона благословил перепечатку.

Но как-то Господь посылает авторов! Проходит год, смотришь, появилось ещё три новых классных автора.

На самом деле, когда приходит человек, уже видишь, будет толк или нет. В основном хорошие авторы или находятся сами, или их приводят «за руку». Матушку Арсению (Воспьянскую) привлёк отец Иона — ей как профессиональному психологу достаются сложные, тонкие темы. Бывает, привлекаем ребят из «молодёжки», из Братства преподобного Ионы. Кроме того, у нас при монастыре существовали курсы писательского мастерства, которые проводил Густав Водичка. И каждого из учеников, кого Водичка считал интересным, он отправлял к нам. Из них получилось около пяти хороших журналистов. В основном это чьи-то друзья, наши старые знакомые.

Среди постоянных авторов — две супружеские пары: Федорченко и Кирицевы. Один из наших лучших авторов, Ирина Гончаренко, была с нами с самого начала. Ещё один классный журналист — Олег Кочевых, культуролог — пришёл сам. Ему вообще надо поставить памятник. Поначалу, когда воцерковлялся, он приходил к нам со своими статьями, но все материалы не подходили. Он по десять раз переписывал, снова приносил. Мы поражаемся: человек уже состоявшийся, с опытом, и так стремится реализовать себя в новом для него направлении.

Варвара Зуева: Теперь без него мы не представляем себе ни одного номера!

Любительских материалов получаете много?

— **Екатерина Ткачёва:** Да, много. Но это в основном, к сожалению, поэтический спам. Где-то 5 % из этого можно читать. Оттуда выбираем материал, и получается рубрика «Письмо в редакцию».

Пишут нам и маститые журналисты. К сожалению, их работы не всегда подходят. Да, написано здорово, профессионально, но абсолютно чуждые по духу вещи.

А какой он, этот дух? Как ощущает себя редакция изнутри?

— **Игумен Иоасаф:** Знаете, мы как-то не анализировали...

Екатерина Ткачёва: Запрещённый приём у нас — ригоризм: никто не должен, кроме отцов, вещать «с кафедр».

Ещё одно табу: не печатаем стихотворений авторов. Проза у нас тоже печатается редко — для литературных произведений нужно издавать отдельное приложение, пока об этом нет речи.

Что до качества материалов, то стараемся не опускать планку вкуса, но при этом не впадать в пустой эстетизм.

Когда новый человек приходит с предложением написать для нас, то первый

творческий тест — написать о своём пути к Богу, без концентрации на себе или своей истории описать действие Бога в своей жизни.

Вы уже рассказывали, как всё начиналось. Какие воспоминания остались об этом периоде?

— **Варвара Зуева:** Вначале было очень тяжело! Боролись, старались, но... Долго не могли совладать, например, с дизайном нашего православного глянца, пока не пришла Оля. Если кто-то заметил, то дизайн у нас делается не по сетке. Каждый разворот готовится «с нуля». В этом наша «фишка». Надо сказать, что Оля, прежде всего, профи. Кроме большой любви к «Отроку» и желания что-то сделать, она профессионал. А ещё — она ломает голову над каждой статьёй, очень переживает!

Игумен Иоасаф: Расскажу такой, может быть, мистический момент. У нас с самого начала издания журнала не было того дизайна, которым мы были бы однозначно недовольны. Всё устраивало. Но так сложилось, что каждый новый человек, приходивший на это место, был не хуже предыдущего. Они так плавно, без стрессов, сменяли друг друга на этой должности, что теперь, когда все дизайнеры «Отрока» собираются вместе, нет ни напряжения, ни тяжести конкуренции.

Есть такая фраза: «Проснулся знаменитым». Как вы ощутили, что понравились читателю? Ещё до всех наград и официальных признаний...

— **Варвара Зуева:** Мы, конечно, очень ценим, что нас любят. И очень приятно осознавать, что ты причастен к тому, что этот журнал выходит в мир, что он кому-то откроет что-то дорогое сердцу, покажет новые грани. Иногда думаешь: «Слава Богу, что Господь сподобил нас работать и делать полезное для людей дело!»

Екатерина Ткачёва: Но переломного момента как такового не было.

Варвара Зуева: Мы не ощутили резких перемен. Звёздной болезни у нас ещё пока нет...

Игумен Иоасаф: Понятие знаменитости тоже условно. Я считаю, что любое, даже самое популярное и известное издание является таковым в определённых кругах.

Архимандрит Иона: К слову о популярности. Мы пытались реализовать «Отрок» через сеть супермаркетов. Абсолютно не пошёл! Продались буквально единицы, каких-то сто журналов. А какие были гневные комментарии по этому поводу в ЖЖ: церковники наступают со всех сторон...

Поступают ли в вашу редакцию замечания по работе?

— **Екатерина Ткачёва:** Изредка приходят замечания, письма с критикой. Например, некоторые читатели возмущались, что у нас в одном из номеров напечатан обнажённый человек. А это был фрагмент фрески Микеланджело «Сотворение Адама»...

Мы нуждаемся в профессиональных советах и благодарны за них. Как-то я ездила на конференцию «Вера и слово» в Москву и попала к заместителю главреда «Фомы» Владимиру Гурболикову. И он конкретно, в деталях разложил все наши минусы и плюсы, разобрал недостатки. Я многие его пожелания учла и была очень признательна. Ведь когда профессионал с тобой возится, что-то тебе объясняет, это такой upgrade!

Другое дело, когда на сайте появляются не очень корректные комментарии в адрес наших авторов. Но мы своих авторов всегда защищаем. Ведь человек пишет о чём-то сокровенном, обнажает свою душу. И тут кто-то начинает поливать его грязью... Своих авторов мы в обиду не даём!

Раньше в «Отроке» присутствовал элемент некоей клубности. При чтении его, чувствовалось, что если ты не с ними, не с ионинцами, значит, тебе не повезло... Этот максимализм был вызван периодом становления, взросления?

— **Варвара Зуева:** Возможно. У нас были материалы в стиле «история одной души»: «Я больше всего в жизни люблю Ионинский монастырь!»

Екатерина Ткачёва: Сейчас мы стараемся всё дальше уходить от локальности. Детские летние лагеря, местные праздники, прошедшие акции — всё это очень здорово и необходимо. Но для таких актуальных материалов есть, например, сайт «Православие в